

Федеральное государственное научно-исследовательское учреждение
«ИНСТИТУТ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СРАВНИТЕЛЬНОГО
ПРАВОВЕДЕНИЯ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'Жигитов'.

На правах рукописи

Жигитов Александр Александрович

КАТЕГОРИЯ СМЫСЛА В ТЕОРИИ ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата юридических наук

Москва - 2026

Диссертация выполнена в федеральном государственном научно-исследовательском учреждении «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации».

Научный руководитель:

Азнагулова Гузель Мухаметовна
доктор юридических наук, доцент;
профессор кафедры теории, истории и философии права федерального государственного научно-исследовательского учреждения «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации».

Официальные оппоненты:

Честнов Илья Львович
доктор юридических наук, профессор;
профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации»;

Тонков Евгений Никандрович
кандидат юридических наук, доцент;
доцент кафедры теории и истории права и государства Северо-Западного института управления — филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Ведущая организация:

федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)».

Защита состоится 17 сентября 2026 года в 12 часов 00 минут на заседании диссертационного совета 02.1.002.03 при ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации» по адресу: 117218, г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34, 5-й этаж, зал заседаний диссертационного совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»:
<https://izak.ru/science/dissertatsionnye-sovety/dissertatsii/>

Автореферат разослан _____ июля 2026 г.

И.о. ученого секретаря диссертационного совета
доктор юридических наук, профессор

Н.Н. Черногор

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Характерным свойством права является его постоянное развитие и движение, а не пребывание в застывшей, неизменной форме. Эта динамическая природа права, его способность адаптироваться к изменяющимся социальным реалиям во многом обеспечивается через механизм толкования. С возникновением аналитической школы права и появлением такой ключевой для западной юриспруденции фигуры, как Г. Харт, внимание ведущих правоведов было заострено именно на этой грани правовой действительности. В частности, особое свойство языка, которым выражаются нормы — его открытая (свободная) текстура и присущая ей неопределенность в пограничных ситуациях, приводит нас к выводу о том, что язык права регулярно нуждается в толковании, благодаря чему право и остается живым, развивающимся явлением.

В современной юридической науке данная тенденция не только сохраняется, но и углубляется: очевидно, что в теории права акценты сместились с изучения сущности права на исследование природы юридического языка, юридической терминологии и процессов их интерпретации. Этот сдвиг обусловлен не только внутренними потребностями юриспруденции, но и мощным влиянием общегуманитарного знания. Развитие в середине двадцатого века герменевтики, феноменологии, постструктурализма, а также появление новых лингвистических и психологических теорий предоставили правоведению широкую методологическую базу для переосмысления характеристик процесса толкования права.

Критика классической концепции науки и переход к постклассической научной рациональности заставляют по-новому взглянуть на традиционные подходы к изучению правовых явлений. Так, философская герменевтика — искусство и теория толкования текстов — прошла путь от постулирования необходимости исключить из процесса интерпретации субъективность толкователя до признания его творческой свободы как неотъемлемого элемента понимания. Современные исследователи в области юридической герменевтики,

опираясь на философские доктрины Х.-Г. Гадамера, Э. Гуссерля, Л. Витгенштейна, приходят к выводу, что применение правового правила требует творческого акта способности суждения, чтобы увидеть всеобщее в частном. В рамках постклассической юриспруденции право все чаще понимается не как предзаданная «природой» или целиком сконструированная сувереном сущность, а как система коммуникации.

Такой подход непосредственно влияет и на теорию толкования права, которая из вспомогательной дисциплины превращается в центральное направление правовых исследований. Фундаментальный тезис постклассической науки о том, что значения приписываются человеком и только в такой форме существуют окружающие нас предметы, приводит к заключению, что право не существует вне его интерпретации. В этой связи, имеющийся доктринальный аппарат теоретической правовой науки требует расширения для актуального описания современных интерпретационных практик. Сложившаяся дихотомия «правотворчество – правоприменение» и рассмотрение толкования права как сугубо технической, познавательной деятельности («уяснение и разъяснение») вступают в глубокое противоречие с современным пониманием интерпретации как акта со-творения смысла.

Эта методологическая проблема имеет и прямое практическое измерение. Непоследовательная и непредсказуемая судебная интерпретация подрывает принцип правовой определенности, снижает доверие общества к судебной системе и создает неоправданные риски для участников экономического оборота. Вопросы о том, что является объектом толкования — воля закона, воля законодателя или смысл; что ограничивает интерпретатора; какими характеристиками должен обладать выявляемый смысл, — напрямую влияют на правоприменительную практику, поскольку в зависимости от ответов на них могут быть получены диаметрально противоположные результаты толкования одного и того же нормативного текста.

Вопросы толкования правовых норм всегда находились в центре внимания отечественного правоведения. Вместе с тем, значительная часть научных трудов

ориентирована на исключительно инструментальный аспект: как мы получаем результат толкования, с помощью каких методов и приемов. Фундаментальные вопросы: «Что есть толкование права в целом? Если толкование — это процесс установления смысла, то что такое смысл? Какое место он занимает в теории толкования права?» — по-прежнему остаются открытыми. Таким образом, существует объективная необходимость в целостном, философски обоснованном исследовании категории смысла в контексте проблем толкования права, его свойств и глубинных детерминант, что и определяет актуальность настоящей диссертационной работы.

Степень научной разработанности темы исследования

Проблематика толкования права имеет богатую историю, восходящую к юриспруденции Древнего Рима и получившую развитие в трудах глоссаторов, комментаторов и гуманистов. Особую артикулированность она приобрела на рубеже XIX–XX веков с развитием исторической и социологической школ правопонимания, а также с возросшей ролью герменевтики и неклассических философских учений.

Разработкой сущностных характеристик толкования права занимались такие известные зарубежные правоведы как: Ф. Либер, Ф. Жени, Е. Эрлих, О. Холмс, Р. Паунд, Б. Кардозо, Г. Кельзен, Р. Дворкин, Г.Л.А. Харт, Л. Фуллер, М. Троппер, К.-В. Канарис, К. Ларенц, чьи труды составляют теоретическую основу многих современных исследований.

В отечественной дореволюционной науке фундаментальные аспекты толкования права рассматривались в работах Е.В. Васьковского и Н.М. Коркунова. В советский период значительный вклад в развитие теории толкования права внесли А.С. Пиголкин, А.Б. Венгеров, П.Е. Недбайло, А.Ф. Черданцев, Н.Н. Вопленко, С.С. Алексеев и другие ученые. На рубеже советской и современной российской юридической науки также стоит отметить работы Т.Я. Хабриевой.

Текущее развитие российской научной мысли по тематике толкования права можно условно разделить на три направления:

- *Практико-ориентированное направление*, в рамках которого исследуются конкретные виды, приемы и способы толкования через анализ практики Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ. К этому направлению относятся труды Ю.А. Гавриловой (толкование по объему), В.Е. Годик и А.И. Рулева (судебное толкование), Ю.С. Ващенко (филологическое толкование), И.И. Лукашука (толкование норм международного права), Е.А. Волосюк (грамматическое толкование), Г.Н. Дудко (казуальное толкование) и др. Хотя эти работы предоставляют бесценный эмпирический материал, их фокус остается преимущественно инструментальным: они отвечают на вопрос, *как* суды толкуют право, но не на более фундаментальный вопрос о том, *что* представляет собой сам процесс толкования.

- *Компаративистское направление*, сосредоточенное на изучении дискурса о «судебном правотворчестве» и доктрин толкования в зарубежных, прежде всего англо-американской, правовых системах. Здесь следует отметить исследования А.Г. Карапетова, Э.Ю. Викторовой, Е.Н. Тонкова, М.А. Беловой. Данные работы обогащают отечественную юриспруденцию, однако зачастую ограничиваются описанием и сравнением зарубежных моделей, не предлагая их синтеза в рамках целостной отечественной концепции.

- *Философско-правовое направление*, исследующее значение для юриспруденции открытий постклассической науки в рамках герменевтики, феноменологии и постструктурализма. В этом русле работают И.Л. Честнов, Е.Н. Тонков, А.И. Овчинников, А.В. Корнев, В.П. Малахов, А.И. Клименко, Г.М. Лановая и другие правоведы. Именно это направление закладывает методологический фундамент для переосмысления природы толкования.

Несмотря на обилие работ, посвященных отдельным аспектам толкования, в современной отечественной правовой науке наблюдается дефицит исследований, раскрывающих содержание и структуру толкования права в целом, как единого онтологического феномена. Существует определенный разрыв между направлениями: практико-ориентированные исследования зачастую оперируют традиционными моделями толкования, опуская философские

сложности, в то время как философско-правовые работы могут восприниматься как оторванные от реальной правоприменительной практики.

Таким образом, приходится констатировать, что отечественной юриспруденции необходима более целостная, философски обоснованная и в то же время практико-ориентированная концепция. Настоящее исследование развивает существующую теорию толкования права именно в этом направлении путем помещения категории смысла в центр теоретико-правового анализа толкования, что позволит не только обогатить теорию, но и предложить новый язык описания для юридической практики.

Объектом диссертационного исследования выступает толкование права как комплексное социально-правовое явление, существующее в единстве трех измерений:

- *доктринального* — как система научных концепций, теорий и подходов, описывающих и предписывающих правила интерпретации;
- *когнитивно-деятельностного* — как мыслительный и волевой процесс, осуществляемый субъектами права (прежде всего, правоприменителем) в ситуации правовой неопределенности;
- *институционального* — как устоявшаяся практика деятельности уполномоченных органов (в первую очередь судов), в рамках которой происходит авторитарное установление и легитимация смысла правовых норм.

Предметом диссертационного исследования являются закономерности влияния характеристик смысла на природу, направленность и модель процесса толкования права.

Цель исследования заключается в разработке нового научного знания, развивающего теоретические представления о толковании права путем рассмотрения явления смысла в качестве онтологического основания данного процесса.

Для реализации данной цели поставлены следующие основные **задачи**:

- выявить характеристики категории смысла, релевантные для ее адаптации к предметному полю юриспруденции;

- установить концептуальное влияние свойств смысла на теорию толкования права, в частности на понимание природы толкования права;
- определить адекватность утверждений о возможности выявления объективного смысла нормы права в контексте постклассической эпистемологии;
- оценить научный потенциал и пределы применимости тезисов о смысле нормы права как о субъективном замысле законодателя;
- выделить теоретические подходы к моделированию процесса толкования права и разработать авторскую герменевтическую модель указанного процесса с учетом основополагающего значения категории смысла;
- определить проблематизацию как отправную точку (начальный этап) процесса смыслообразования при толковании права;
- описать основную стадию процесса толкования права как диалектическое движение между нормой и ее контекстами в ходе поиска и конструирования смысла;
- охарактеризовать завершающую стадию толкования права (аргументацию и легитимацию решения о смысле) и выявить критерии, ограничивающие усмотрение интерпретатора.

Научная новизна исследования состоит в разработке нового научного знания, развивающего теорию толкования права с позиции юридической герменевтики через категорию смысла, понимаемую как основание толкования права и впервые используемую для определения его природы, преодоления дихотомии «объективного/субъективного» в дискуссии о направленности данного процесса и построения оригинальной трехстадийной динамической модели (проблематизация – поиск/конструирование – аргументация).

В отличие от существующих технико-ориентированных подходов, авторское решение проблем теории толкования права позволяет дополнить ее пониманием интерпретации как процесса intersубъективного взаимодействия, что дает основание предложить динамическую модель, интегрирующую классические этапы «уяснения» и «разъяснения» в более широкую процедуру смыслообразования.

Положения, выносимые на защиту:

1. Обосновано, что категория смысла (нормы права) может быть охарактеризована, с одной стороны, как динамичное явление, что обусловлено субъективным аспектом смыслообразования, уникальностью каждой конкретной ситуации, задающей контекст для применения (контекстуальность), и, как следствие, возможностью существования нескольких смыслов у одной и той же нормы права (поливариантность); с другой стороны динамика смысла правовой нормы ограничена контекстом системы права, существованием смысла в горизонте традиции толкования права, разделяемых значений правовой нормы (интерсубъективность), а также направленностью правовой нормы (интенциональность). Именно это диалектическое единство свободы и ограничения делает смысл операциональной категорией для юриспруденции. Установлено, что смысл правовой нормы — это формирующееся в интерсубъективном пространстве отношение между: содержанием нормативного текста, контекстом (системно-правовым, социально-политическим, ситуативным) и направленностью правовой нормы — ее телеологическим вектором.

2. Установлено, что присущие смыслу свойства поливариантности, интерсубъективности и контекстуальности обуславливают творческую составляющую толкования права как интеллектуально-волевого процесса актуализации правовой нормы. Указанный тезис подтверждается следующим. Во-первых, при возникновении нескольких смыслов правовой нормы и ситуации выбора между ними, интерпретатор вынужден легитимизировать своей волей только один из них, что создает простор для усмотрения. Во-вторых, в образуемый каждым интерпретатором смысл правовой нормы всегда вносится уникальное «Я» через: своеобразие языка интерпретатора и индивидуальные акты смыслообразования, обусловленные интересами, индивидуальными психологическими и нравственными установками личности интерпретатора, которые могут приводить к перманентному конфликту даже с буквальным значением толкуемого текста. В-третьих, зависимость смысла от контекста, приводит к тому, что данное однажды толкование смысла правовой нормы может

быть неадекватно при изменении контекста и в последующем перерабатываться в иное, иногда прямо противоположное. Вместе с тем, тезис о творческом характере толкования права концептуально уравнивается функциональными (цель толкования – поиск смысла правовой нормы, а не создание новой правовой нормы), институциональными (в романо-германской правовой семье принцип разделения властей не признает за правоприменительным толкованием правотворческой роли) и формально-юридическими (отсутствие у *ratio decidendi* в российской правовой системе статуса источника права) ограничениями.

3. Аргументировано, что теоретико-правовые подходы, ориентированные на поиск объективного смысла правовой нормы, подлежат ревизии и модернизации, в частности, необходимо смещение парадигмы теории толкования права с поиска статического объективного смысла правовой нормы на процесс рациональной аргументации и легитимации выявляемого смысла правовой нормы. Указанный тезис подтверждается следующим. Во-первых, бытие права и его смысла как ценностно-нормативного явления недоступно для критериев «объективной истины», применимых в естественных науках. Во-вторых, сама концепция объективности в постклассической науке претерпела изменения: знание признано содержащим интенции наблюдателя. В-третьих, идея о единственном и неизменном смысле не учитывает выявленный в рамках настоящего исследования динамический характер смысла, обусловленный субъективным истоком смыслообразования, ситуативным контекстом, темпоральным разрывом между принятием нормы и ее применением.

4. Сделан вывод, что ориентация толкования на поиск смысла, заложенного законодателем, несмотря на практические достоинства, имеет свои пределы. Во-первых, замысел законодателя не тождественен смыслу правовой нормы, а является лишь одним из факторов ограничено влияющих на него. Во-вторых, продукт законотворчества в виде нормы права существует автономно от своего создателя, и попытки реконструкции подразумеваемого остаются вероятностными гипотезами. В-третьих, теория «воли законодателя» ограничена

рамками юридического позитивизма и не решает проблему определения фигуры «законодателя».

5. Предложена трехстадийная герменевтическая модель, углубляющая традиционное деление процесса толкования на «уяснение»-«разъяснение» и учитывающая центральное место категории смысла. В рамках этой модели толкование права понимается как процесс установления смысла нормы права, включающий последовательные стадии: 1) проблематизации первоначально явленного смысла правовой нормы, 2) поиска и конструирования смысла правовой нормы через диалектику общего и особенного, общего и частного, 3) аргументации и легитимации решения о смысле правовой нормы.

6. Установлено, что процесс толкования права инициируется стадией проблематизации. Началом процесса толкования права является не формально установленная неясность текста нормативного акта, а сознательный акт проблематизации, заключающийся в рефлексивном преодолении интерпретатором интуитивно воспринятого смысла (сформированного предрассудками, мыслительными привычками и ценностными установками) через постановку тексту правовой нормы вопросов о его соответствии более широкому контексту правовой реальности — принципам права, целям правовой нормы, последствиям применения правовой нормы, обстоятельствам применения правовой нормы, что превращает толкование из пассивного уяснения в активный смыслопорождающий диалог.

7. Основная стадия процесса толкования права — поиск смысла — заключается в сопоставлении текстуального содержания нормы права с ее многообразными контекстами (нормативным, доктринальным, историческим, телеологическим, ситуационным). В ходе этого диалектического движения мысли от общего (норма права) к особенному (конкретная правовая ситуация) и обратно, от частного (норма права) к общему (контексту правовой реальности) и обратно расширяется смысловое поле толкуемой нормы и накапливаются различные, конкурирующие варианты ее интерпретации.

8. Заключительная стадия процесса толкования права представляет собой волевой акт интерпретатора, направленный на выбор одного из конкурирующих смыслов правовой нормы и его соответствующую легитимацию. Этот выбор не является произвольным, так как, во-первых, предполагает добросовестное отношение интерпретатора к тексту правовой нормы, исключающее восприятие последнего как послушного материала, в который можно обернуть любую идею. Во-вторых, выбор оптимального варианта смысла правовой нормы из ряда возможных должен включать обоснованную аргументацию интерпретатора, которая позволит не только объяснить предпочтение того или иного смысла всем остальным вариантам, но и гармонично вписать его в действующую систему правоотношений. Пределы усмотрения интерпретатора при выборе вариантов правовой нормы задаются иерархией следующих содержательных критериев: 1) формальных (принципы права; правовые, логические и лингвистические аксиомы), 2) институциональных (правила толкования, изложенные в нормативных правовых актах, правовых позициях высших судов; традиции правоприменительного толкования; конвенциональные установки юридического сообщества, выраженные в доктрине) и 3) социальных (разумные ожидания субъектов права; моральные установки общества, реальное состояние общественных отношений в соответствующей сфере).

Методологическая основа диссертационного исследования.

Достижение поставленной цели и решение задач исследования потребовали применения комплексной методологии, сочетающей общенаучные, частнонаучные и специальные методы познания.

Общенаучным являлся *диалектический метод*, позволивший рассмотреть толкование права как развивающееся явление, характеризующееся внутренними противоречиями (например, между стабильностью нормы и динамикой ее смысла, между общим правилом и уникальной ситуацией).

Широко использовались традиционные для юриспруденции *формально-юридический и сравнительно-правовой методы*. Первый способствовал

логическому и последовательному изложению и анализу правовых категорий; второй позволил сопоставить подходы к толкованию в различных правовых школах и правопорядках, выявить их общие черты и особенности.

Значительное место в работе, обусловленное самим предметом исследования, заняли *философские методы*. Применение *герменевтического, феноменологического, а также аналитического методов* было необходимо для формирования собственной философско-методологической позиции. Поскольку категория смысла носит intersubъективный и ценностный характер, ее изучение невозможно в рамках исключительно формально-юридического подхода. Герменевтический метод позволил раскрыть диалогическую природу толкования, феноменологический — исследовать процессы смыслополагания в сознании интерпретатора, а аналитический — уточнить концептуальный аппарат теории толкования. Основой для оформления философской базы исследования выступили труды И.М. Хладениуса, В. Гумбольдта, Ф. Шлейермахера, В. Дильтея, Х.-Г. Гадамера, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Л. Витгенштейна, П. Рикера и др.

Кроме того, в исследовании применялись *системный и структурно-функциональный подходы*, а также метод *реконструкции идей и теорий* для понимания исторической обусловленности развития концепций толкования права.

Теоретическую базу исследования составили: фундаментальные теоретико-правовые и историко-правовые труды отечественных и зарубежных правоведов, посвященные вопросам теории толкования, философии и методологии права.

В их числе работы Г.М. Азнагуловой, С.С. Алексеева, А.Б. Венгерова, Н.Н. Вопленко, Х.И. Гаджиева, А.В. Корнева, В.В. Лазарева, В.П. Малахова, П.Е. Недбайло, Д.А. Пашенцева, А.С. Пиголкина, Е.Н. Тонкова, Т.Я. Хабриевой, А.Ф. Черданцева, И.Л. Честнова, О.Ю. Рыбакова, С.А. Сеницына, К.Е. Сигалова, О.И. Цыбулевской, Н.Н. Черногора, а также классиков

зарубежной правовой мысли, указанных в разделе о степени научной разработанности темы.

Предлагаемое исследование не претендует на радикальный пересмотр основ отечественной теории толкования права, а напротив, опирается на фундаментальные теоретические работы. Автор стремится развить и дополнить их концепции, отвечая на вызовы, поставленные современным уровнем развития науки. Разрабатываемое новое теоретическое знание позволяет обратить внимание на те аспекты процесса смыслообразования, которые ранее оставались за рамками инструментального подхода.

Нормативную базу исследования составили: Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, а также иные нормативные правовые акты, являющиеся объектом интерпретационной деятельности.

Эмпирическая база исследования представлена материалами судебной практики Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, а также правоприменительной практикой иных российских и зарубежных органов власти, иллюстрирующей различные подходы и модели толкования права.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что в нем развивается целостная герменевтическая концепция толкования права, опирающаяся на фундаментальные характеристики категории смысла. Доказано их непосредственное влияние на бытие толкования права, дано развернутое описание этих закономерностей применительно к природе толкования, его направленности и процессуальной модели. Сформулированные в работе выводы вносят вклад в развитие общей теории права, философии права и юридической методологии и могут быть использованы при проведении дальнейших исследований по проблемам толкования права.

Практическая значимость результатов диссертационного исследования обусловлена тем, что содержащиеся в нем выводы и предложенная модель процесса толкования могут быть восприняты в целях

совершенствования правоприменительной, в первую очередь судебной, деятельности. Практическая значимость работы обусловлена тем, что предложенный подход позволяет усовершенствовать существующие методики судебной аргументации, обеспечивая более высокую степень легитимации принимаемых решений через раскрытие их смыслового содержания.

Теоретическая значимость работы напрямую обуславливает ее практическую ценность. Предложенные требования к глубине аргументации в судебных актах, способствуют раскрытию процесса интерпретационного поиска, а не только его результата. В этой связи, разработанная модель может служить методологической основой для совершенствования судебной аргументации, делая ее более прозрачной, подотчетной и предсказуемой.

Так, правоприменители (в первую очередь, суды) могут легитимировать судебное решение через отражение в нем герменевтического процесса. В мотивировочной части следует: явно формулировать герменевтическую проблему (стадия проблематизации); перечислять рассмотренные конкурирующие интерпретации и их обоснования из различных контекстов (стадия поиска); аргументировать выбор окончательного решения, последовательно проходя уровни процедуры легитимации: от формальных критериев к социальным.

Кроме того, признание ограниченного творческого характера судебного толкования, основанное на предложенной концепции, может стать теоретической базой для дальнейшего укрепления независимости и авторитета судебной власти в системе сдержек и противовесов.

Материалы диссертации также могут быть применены в учебном процессе юридических факультетов при чтении курсов «Теория государства и права», «Философия права», «История политических и правовых учений», а также специальных курсов, посвященных толкованию права и юридической технике.

Апробация и достоверность результатов исследования.

Диссертация выполнена на кафедре теории, истории и философии права и обсуждена на совместном заседании кафедры теории, истории и философии

права и отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Достоверность результатов исследования подтверждается их апробацией. Основные положения и выводы диссертации нашли отражение в четырех опубликованных автором статьях, три из которых напечатаны в рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Результаты диссертационного исследования докладывались автором на научно-практических конференциях различного уровня, в том числе: на XVIII и XX международных школах-практикумах молодых ученых-юристов (2023, 2025 гг., г. Москва, ИЗиСП); на X, XI, XII и XIII Общероссийских годовых собраниях теоретиков права (2023, 2024, 2025, 2026 гг., г. Москва, ИЗиСП); на XIII Международном конгрессе сравнительного правоведения (2023 г., г. Москва, ИЗиСП); на IV Международном историко-правовом конгрессе «Научное наследие Серафима Владимировича Юшкова» (2024 г., г. Саратов, СГЮА); на II Всероссийской студенческой научно-практической конференции «Судебная власть в условиях новых вызовов» (2024 г., г. Москва, РГУП) и на конференции «Ломоносов-2025» (2025 г., г. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова).

Структура диссертации обусловлена целью и задачами, поставленными во введении. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы. В заключении подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы и указываются дальнейшие перспективы исследования данной темы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Во *введении* обосновывается актуальность темы исследования, определяются степень разработанности темы, объект, предмет, цели и задачи исследования, его методологическая основа, формулируются научная новизна и основные положения, выносимые на защиту, отмечаются практическая значимость и апробация результатов исследования.

Первая глава «Теоретико-методологические основания исследования категории смысла в толковании права» включает два параграфа.

Первый параграф «Адаптация категории смысла к предметному полю юриспруденции: понятие и основные свойства» служит методологической базой для всего исследования и обозначает истоки теоретико-правовых идей, которые выдвигаются автором в отношении конкретных проблем толкования права. В частности, автор предлагает рассматривать феномен смысла и его основные характеристики в качестве самых глубоких детерминант процесса толкования права. Так как категория смысла не является традиционной для юридической науки, она анализируется в парадигме герменевтической, аналитической и феноменологической школы мысли, теории психологии смысла, структуралистских, постструктуралистских и постмодернистских учений. Предпринята попытка обобщить воззрения вышеуказанных концепций на явление смысла и выявить его ключевые свойства в целях имплементации данного понятия в язык юридической науки, в том числе, в теорию толкования права.

Среди характеристик категории смысла, применимых к смыслу правовой нормы, выделены следующие.

Во-первых, контекстуальность смысла — зависимость смысла правовой нормы от ее контекста, в частности: контекста правовой ситуации, в условиях которой подлежит применению норма права; системно-правового контекста, задающего рамку возможных интерпретаций; социально-политического контекста, отсылающего к господствующим в текущий момент практикам,

ценностям и убеждениям внутри сообщества с точки зрения социальной и политической жизни.

Во-вторых, интенциональность смысла: это свойство предполагает, что, когда мы говорим о смысле правовой нормы — речь идет также о ее направленности на достижение определенной цели и последствиях, к которым приведет ее применение в той или иной интерпретации. Вместе с тем, эта направленность задана не только интенцией конкретного автора правовой нормы, но интенцией всей юридической мысли, направленной на поиски способов урегулирования общественных отношений в той или иной сфере жизни.

В-третьих, смысл правовой нормы может быть охарактеризован как интерсубъективное явление, занимающее промежуточное положение между объективным и субъективным: с одной стороны, смысл явно имеет окрас субъективного, индивидуального и уникального, так как источник смыслопорождения находится в личности человека; с другой — диалогическая природа смысла, предполагает, что человек в состоянии уловить смыслы другого, разделять их с ним и создавать общие, конвенциональные установки, претендующие на объективное значение.

В-четвертых, постулируется поливариантность смыслов — возможность существования нескольких смыслов правовой нормы, каждый из которых может быть признан релевантным.

Наконец, в-пятых, формулируется вывод о динамическом характере категории смысла — невозможности существования единственного и неизменного смысла правовой нормы, что обусловлено ранее перечисленными свойствами данного явления.

На основе анализа ключевых свойств смысла доказывается, что смысл правовой нормы — это выявляемое в пространстве конвенционального, сложное отношение между буквальным содержанием толкуемого, его контекстом и направленностью.

Подчеркивается, что противоречивая природа смысла правовой нормы в виде свободного (творческого) характера его толкования, при наличии строгих

пределов усмотрения для интерпретатора, гармонично вписывается в ряд правовых явлений, так как суть самого права — это диалектическое единство свободы и ограничения. Включение категории смысла в понятийный аппарат юридической науки осуществляется не как механическое заимствование, а как творческое развитие идей интересубъективности, адаптированное к специфике правовой реальности. Это позволяет создать более гибкий инструментарий для анализа интерпретационной деятельности, дополняющий традиционные подходы.

Во втором параграфе «Влияние свойств смысла на парадигму толкования права» осуществляется перевод философских выводов о природе смысла на язык юридической науки, что позволяет уточнить и дополнить традиционные представления о теории толкования права. Поднимается вопрос о необходимости актуализации устоявшейся в отечественной доктрине позиции, согласно которой толкование является сугубо технической, познавательной деятельностью по уяснению и разъяснению воли законодателя или текста закона без внесения в норму новых смыслов.

Автор аргументирует, что такая позиция может быть методологически уязвима в свете характеристик смысла, выявленных в предыдущем параграфе. Творческая составляющая в процессе толкования права предстает не как случайность или злоупотребление, а как имманентное свойство, детерминированное самой природой смысла правовой нормы. Основные свойства смысла — его контекстуальность (зависимость от «языковой игры» и ситуации), интересубъективность (производность от внутренних установок, интересов и потребностей личности, которые хоть и могут быть разделены в качестве общих, но не теряют при этом своей уникальности), поливариантность (отсутствие единственного референта) — превращают текст права из статичного объекта познания в динамическое поле для интерпретации. Таким образом, толкование права предстает не столько вспомогательной технической операцией по «расшифровке» правового текста, сколько в качестве интеллектуально-волевой деятельности.

Проведенный анализ характеристик категории смысла и ее адаптация к юридической теории позволяет сформулировать следующие выводы, оказывающие влияние на парадигму толкования права в условиях постклассической науки.

Во-первых, творческая составляющая толкования права детерминирована не только гносеологическими (сложностью познания «воли законодателя») или лингвистическими (открытая текстура языка) факторами, но, в первую очередь, свойствами правового смысла, в том числе, процесса его образования. Его имманентная поливариантность (способность предлагать множество легитимных значений) обуславливает правовую рамку, предоставляющую интерпретатору пространство равноценных возможностей. Выбор между ними не может быть осуществлен актом познания и требует волевого акта, что превращает толкование из пассивного «отражения» в активный, созидательный процесс.

Во-вторых, герменевтический аспект толкования, выраженный в спекулятивном характере и неизбежном привнесении «Я» интерпретатора, является не недостатком, а необходимым механизмом адаптации права. Смысл не извлекается из нормы, а со-конструируется в диалоге между текстом и индивидуальными психологическими, нравственными установками личности интерпретатора. Этот процесс зачастую инициируется интуитивным образом желаемого права, где вывод опережает его обоснование. Практика толкования *contra legem* и преодоление телеологических пробелов являются наиболее яркими проявлениями этого со-конструирования, где интересубъективный (разделяемый) смысл справедливости легитимно доминирует над дефектным текстуальным смыслом.

В-третьих, ограниченное судебное правотворчество в процессе толкования права является не «погрешностью», а имманентной практикой функционирования правовой системы. Отечественная судебная практика, особенно в сферах, опережающих законодательное регулирование (например, доктрины «фактической аффилированности» и «компенсационного

финансирования» в делах о банкротстве), эмпирически подтверждает, что суды вынуждены заниматься смыслопорождением для ответа на новые социальные вызовы, фактически создавая правовоположения, которые стабилизируют общественные отношения и выполняют функцию, которую не успевает выполнять законодатель. Таким образом, зависимость смысла правовой нормы от изменяющегося контекста детерминирует творческую составляющую толкования права.

В-четвертых, признание креативной природы толкования не означает апологии судебного произвола. Творческая функция интерпретатора носит ограниченный характер, ввиду следующего:

1. Цель толкования — установить смысл правовой нормы, а не создать норму *ex nihilo*.

2. Принцип разделения властей в романо-германской правовой семье не признает правотворческих функций за судами, однако, он переосмысливается не как жесткое разделение функций, а как система сдержек и противовесов, где судебное толкование служит ограничением против законодательного волюнтаризма.

3. В российской системе *ratio decidendi* не является формальным источником права.

4. Эффективность толкования напрямую зависит от реальной независимости судебной власти.

В качестве итогового вывода отмечается, что основные свойства смысла (поливариантность, интерсубъективность, контекстуальность) требуют признания творческой составляющей толкования права. А именно, толкование предстает как процесс смыслообразования, в котором интерпретатор, оставаясь связанным системой ограничений, активно участвует в развитии и адаптации права.

Вторая глава «Категория смысла в научной дискуссии о направленности процесса толкования права» содержит два параграфа.

В первом параграфе «Критический анализ объективистского подхода: проблема объективного смысла правовой нормы» анализируется объективистская концепция смысла, которая предполагает, что смысл как объект толкования права может иметь независящее от интерпретатора, объективное значение, к которому необходимо стремиться в процессе толкования. В общем и целом, все эти утверждения сводятся к тому, что смысл может быть получен как знание в концепции объективной истины. То есть, применительно к теме исследования, это означает, что толкование права должно выявить смысл определенной нормы права так, как если мы бы подходили к установлению какого-либо эмпирического факта.

Путем исследования неклассических и постклассических научных концепций знания указывается на определенные проблемы в стремлении к объективизму в толковании права. Кроме того, сформулированные в первом параграфе выводы о свойствах смысла позволяют говорить о том, что приписывание ему объективности конфликтует с его основополагающими свойствами.

Автор выдвигает три основных контраргумента против анализируемой позиции:

1. Эпистемологический аргумент: Проблема экстраполяции критериев естественных наук на гуманитарную сферу права. Право — это не область «сущего» (дескриптивные суждения, которые могут быть истинными или ложными), а область «должного» (прескриптивные суждения). Смысл правовой нормы — это не факт, а ценностное утверждение, которое оценивается как «правильное» или «неправильное», а не как «истинное» или «ложное». Логико-дедуктивные методы не могут быть единственным инструментом для установления смысла, так как он требует понимания, вчувствования и ценностной аргументации.

2. Онтологический аргумент: Необходимость уточнения концепции объективности в постклассической науке. Неклассическая эпистемология доказала, что субъект познания неизбежно влияет на объект. Знание содержит

интенции наблюдателя. Применительно к толкованию это означает, что смысл не «извлекается» из текста как готовый объект, а активно конструируется интерпретатором в процессе смыслообразования. Его индивидуальные качества, предпонимание, установки являются не помехой, а конституирующим элементом смысла. Поэтому поиск неинтерпретированного, «чистого» объективного смысла онтологически невозможен.

3. Динамический аргумент: Объективизм не способен объяснить историческое развитие и адаптацию права. Право — «живой», развивающийся организм. На примере эволюции толкования Четырнадцатой поправки к Конституции США (от *Plessy v. Ferguson* к *Brown v. Board of Education*) и «разворотов» практики российских судов автор показывает, что один и тот же текст в разные эпохи порождает легитимные, но противоположные по смыслу толкования. Любой текст, в том числе правовой, принципиально многозначен и открыт для бесконечного числа прочтений. Попытка навязать ему единственный смысл уничтожает его потенциал для разрешения новых, непредвиденных споров.

В заключение автор признает, что, критикуя основания объективизма, нельзя отвергать его аксиологическую установку — стремление к рациональности, логичности и ограничению произвола. Однако такие ограничения следует искать не в фикции объективного смысла, а в иных, intersubъективных механизмах аргументации и легитимации.

Второй параграф «Критический анализ субъективистского подхода: проблема реконструкции замысла законодателя» посвящен исследованию теории толкования воли законодателя. Основной тезис правоведов, придерживающихся данной концепции, заключается в том, что интерпретатор, в первую очередь, должен установить тот смысл нормы, который имел в виду законодатель.

Анализ начинается с выявления практической проблемы — проблемы идентификации «законодателя». Автор доказывает, что в современном сложном законодательном процессе проблематично указать на единый субъект,

выражающий монолитную «волю». Этот процесс представляет собой компромисс, столкновение и согласование интересов множества акторов: депутатов, фракций, лоббистов, органов исполнительной власти и т. д. Автор доказывает, что право в современных условиях скорее является продуктом социального компромисса, а не императивом суверена.

Далее анализируется философский аспект проблемы толкования воли законодателя, а именно сама структура выражения смысла и его понимания. В частности, формулируется вывод о том, что автор никогда не может поручиться, что высказанное им целиком и полностью отразило его волю, или содержит ровно столько смыслов, сколько он хотел высказать — не больше и не меньше. Равно также, мы не можем ограничить себя от восприятия смыслов, о которых автор даже не задумывался. Иначе говоря, мнение или волю автора текста почти невозможно изолированно выделить из самого текста, смысл которого всегда превышает вкладываемый авторский смысл. Именно поэтому сложно говорить о какой-либо действительной воле законодателя: все рассуждения по этому поводу будут носить предположительный и вероятностный характер, так как мы имеем дело только с текстом и не можем проникнуть в мысли автора на момент законодательного процесса.

Наконец, автор возвращается к понятию смысла правовой нормы, обращая внимание, что это сложное отношение между текстуальным содержанием правовой нормы, ее контекстом и направленностью, складывающееся в пространстве интерсубъективного. В рамках этого отношения, интенция автора правовой нормы — лишь один из факторов, имеющих ограниченное влияние на смысл конкретного правового положения. Отсечение контекста или буквального содержания правовой нормы не может привести к установлению адекватного обстоятельствам смысла правовой нормы, равно как и игнорирование потенциала его всеобщности. Кроме того, интенциональность смысла правовой нормы предполагает не только намерение и цель ее автора, но направление всей юридической мысли на урегулирование той или иной спорной ситуации,

включающей в себя попытки регламентации в различных правовых порядках на протяжении различных исторических периодов.

С прагматической точки зрения, ориентация на волю исторического законодателя вовсе может быть опасной, так как она игнорирует изменившиеся социальные условия и может привести к консервации устаревших, несправедливых подходов. Законодатель не мог предвидеть всех жизненных ситуаций, и жизнь требует от права ответов на новые вызовы.

Вместе с тем, практическое значение данной теории признается и не отрицается: важно понимать истоки и предпосылки смыслообразования той или иной нормы. Воля, интересы, потребности лиц, принимающих участие в правотворчестве, несомненно выступают в качестве таких источников. Обращаясь к ним, мы можем получить дополнительную информацию о смысле толкуемой нормы права, хотя сами по себе они не являются объектом толкования права, а скорее будут присутствовать в сфере исключительно психологического и неправового. Также, обращение к воле законодателя может быть полезным эвристическим приемом, однако его следует понимать не как установление реальной воли, а как мысленное экспериментирование: постановку себя на место гипотетического, образцового законодателя, чьи намерения реконструируются из самого текста и системных связей права.

В качестве итогового вывода главы формулируется тезис о том, что классическая дихотомия «объективизм (воля закона) — субъективизм (воля законодателя)» требует уточнения и развития. Анализ объективистского и субъективистского подходов выявляет их общую проблему: оба ищут смысл в иной плоскости — либо как имманентное свойство текста (воля закона), либо как психологическое состояние автора (воля законодателя). Однако не учитывается, что смысл правовой нормы существует в пространстве интерсубъективного дискурса, где текст, интерпретатор и правовая традиция находятся в постоянном диалоге. Следовательно, задача теории толкования — не выбирать между этими двумя полюсами, а разработать модель, адекватную этой диалогической природе смысла.

Третья глава «Моделирование процесса толкования права через призму категории смысла» содержит четыре параграфа.

Первый параграф «Концептуальные основы моделирования процесса толкования: от стадильности к динамической модели» направлен на исследование модели процесса толкования как связанной совокупности мыслительных операций. Анализируются традиционные подходы к делению процесса толкования на стадии уяснения и разъяснения в отечественной юридической науке, а также на стадии интерпретации и конструкции в странах общего права.

Фиксируя направленность толкования на понимание смысла в его контексте, проблему множественности смыслов и необходимость подходить к пониманию текста непосредственно, не прибегая к заранее сложившимся представлениям, доказывається, что указанные подходы нуждаются в развитии и доработке. В результате, автор приходит к выводу, что общепринятое деление процесса толкования права на операции уяснения и разъяснения, интерпретации и конструкции недостаточно точно отражает реальные действия интерпретатора.

На этом фоне предлагается рассмотреть герменевтические модели толкования права, которые рассматривают толкование не как техническую операцию, а как процесс установления смысла, учитывающий его онтологические свойства. В частности, упоминаются герменевтические схемы, включающие стадии ожидания смысла, прояснения, наброска и пересмотра, а также более детализированная восьмиэтапная модель Ю.Ю. Ветютнева.

В развитие указанных концепций описания процесса толкования права предлагается авторская системно-обоснованная герменевтическая модель, при которой толкование права понимается как процесс приписывания смысла норме права, включающий в себя следующие стадии: (1) проблематизации первоначально явленного смысла, (2) поиска и конструирования смысла через диалектику общего и особенного, общего и частного, (3) аргументации и легитимации решения о смысле.

Во втором параграфе «Проблематизация как начальный этап смыслообразования при толковании права» речь идет о начальной стадии толкования права, которую в некотором смысле можно назвать «нулевой» точкой отсчета в процессе толкования права. Доказывается, что толкование начинается не с пассивного восприятия текста, а с проблемной ситуации. Именно конфликт между первоначально воспринятым смыслом и требованиями правоприменительного казуса, запускает процесс интерпретации.

Автор полемизирует с распространенным тезисом о том, что толкованию подлежит каждое положение закона в силу наличия у него объективного референта. Вместо этого предлагается уточненный тезис: толкование необходимо тогда, когда смысл проблематизирован, то есть, когда его очевидность ставится под сомнение. Опираясь на феноменологические учения, автор поясняет, что в обычной ситуации мы действуем на основе «очевидности» — непосредственного усмотрения смысла. Если смысл очевиден, его вербальное разъяснение будет тавтологичным.

Однако эта «очевидность» часто оказывается обманчивой и основанной на предрассудках или экономии мышления. Интерпретатор всегда подходит к тексту с уже сложившимся предпониманием, образом желаемого права, который складывается из его профессионального опыта, ценностей, знаний и даже сиюминутных интересов. Первоначальный, лежащий на поверхности смысл может быть результатом мыслительной привычки, а не глубокого анализа.

Яркой иллюстрацией этого служат приведенные автором примеры из судебной практики. Так, долгое время суды, руководствуясь поверхностной аналогией, квалифицировали сальдирование встречных требований в банкротстве как запрещенный зачет, пока Верховный Суд РФ не проблематизировал этот подход и не разработал доктрину, разграничивающую эти понятия. Другой пример — толкование термина «предельный срок» в ст. 756 ГК РФ, который при буквальном (и, казалось бы, очевидном) прочтении означает «максимальный», но в результате проблематизации и системного анализа был истолкован как минимальный гарантированный.

Таким образом, стадия проблематизации — это не просто констатация неясности текста, а акт рефлексивного вопрошания, осознания конфликта между интуитивно воспринятым смыслом, требованиями конкретной ситуации и глубинными принципами права. Именно этот акт, а не сам текст, служит подлинным началом интерпретации, переводя ее из режима пассивного восприятия в режим активного поиска и конструирования смысла.

Вместе с тем, стадия проблематизации, выделяемая в авторской модели, не заменяет собой традиционное представление о неясности текста как поводе для толкования, а теоретически углубляет его, раскрывая психологические и когнитивные механизмы осознания этой неясности субъектом правоприменения.

В третьем параграфе «Поиск и конструирование смысла правовой нормы: диалектика общего и частного, общего и особенного» посвящен ключевой, смыслообразующей стадии процесса толкования. Автор исходит из того, что после этапа проблематизации интерпретатор приступает не к пассивному «извлечению» единственного смысла из текста, а к активному поиску и конструированию смыслового поля. Этот процесс описывается как диалектический и циркулярный, что метафорически выражается в движении по «герменевтической спирали» — концепции, которая, в отличие от «герменевтического круга», подчеркивает поступательное движение и углубление понимания, а не просто циклическое возвращение.

Процесс поиска смысла осуществляется в двух взаимосвязанных, но различных плоскостях, образующих диалектическое единство:

1. Диалектика «частного и общего». Это движение мысли от толкуемой нормы («частное») к многообразным контекстам ее существования («общее») и обратно. В качестве таких контекстов выступают не смежные статьи, а целые пласты правовой и социальной реальности, например:

- Системный контекст: обращение к закону в целом, отрасли права или всей правовой системе для согласования смысла нормы с более широкими правовыми принципами.

- Исторический контекст: апелляция к обстоятельствам принятия нормы, материалам законодательной работы (пояснительным запискам, протоколам), что позволяет установить цели законодателя.

- Телеологический контекст: выявление цели нормы, которую автор предлагает понимать не только как субъективное намерение исторического законодателя, но и как объективную проблему, которую норма призвана устранить. Это позволяет суду в «трудных делах» действовать как «разумный законодатель».

- Доктринальный контекст: использование научных разработок, правовых позиций высших судов (постановлений Конституционного Суда РФ, Пленума ВС РФ).

Предложенный автором диалектический подход к поиску смысла развивает возможности традиционных методов толкования, позволяя более точно учитывать связи правовой нормы с ее контекстами. Автор доказывает, что любой метод толкования (грамматический, логический, систематический, исторический), по сути, является апелляцией к тому или иному контексту, рассматривающему норму в специфическом пространстве ее бытия (язык, логика, система, история).

2. Диалектика «общего и особенного». Это движение от нормы как «общего» правила к уникальной ситуации ее применения («особенное») и обратно. Здесь интерпретатор обращается к конкретному казусу, к «природе вещей» (*Natur der Sache*) и сути регулируемых отношений. Такой казуистический подход позволяет проверить, насколько абстрактная норма справедлива, эффективна и применима в конкретных жизненных обстоятельствах. Российская и зарубежная судебная практика, включая примеры из римского права, служат иллюстрацией этого процесса. Правовая ситуация (казус) сама становится контекстом, влияющим на окончательный смысл нормы.

Итогом данного этапа является не обнаружение единственно верного смысла, а формирование спектра конкурирующих, но потенциально валидных интерпретаций. Таким образом, смысл правовой нормы не «находится» как некая

готовая сущность, а активно конструируется в ходе диалога между текстом, его многослойными контекстами и конкретной ситуацией.

Четвертый параграф «Аргументация и легитимация решения о смысле: завершающий этап модели» акцентирует внимание на завершающей стадии процесса толкования, подразумевающей выборку наиболее релевантного смысла на основании определенных критериев, по которым она производится. Автор подчеркивает, что выбор одного варианта из сконструированного смыслового поля является волевым актом интерпретатора. Однако этот выбор ни в коем случае не может быть произвольным, иначе он приведет к дестабилизации правопорядка и судейскому волюнтаризму, что наглядно демонстрируется на исторических и современных примерах из практики толкования права.

Формулируя основополагающее процедурное правило обращения с правовым текстом при его толковании, автор предписывает необходимость добросовестного отношения интерпретатора к тексту и своей задаче, что подразумевает под собой: 1) отношение к тексту как субъекту диалога, а не как к послушному инструменту, который может быть употреблен для оправдания любого произвольно приписываемого смысла; 2) обязанность интерпретатора — рассмотреть все релевантные и конкурирующие интерпретации, а не подгонять текст под заранее принятое решение; 3) обоснованность не личными предпочтениями, а апелляцией к интересубъективным критериям (принципам, правовым позициям, разумным ожиданиям).

Необходимым условием возможности легитимного толкования является также минимальная ясность самого толкуемого текста. Следуя за Л. Фуллером, автор утверждает, что если норма настолько неопределенна, что не позволяет выдвинуть ни одной обоснованной гипотезы о ее смысле, то ее толкование бессмысленно, а сама она не отвечает базовым критериям внутренней морали права.

Важнейшим аспектом предлагаемой концепции является обоснование системы пределов усмотрения интерпретатора. Автор доказывает, что творческий характер смыслообразования не означает произвола, так как он

жестко ограничен правовой рамкой в виде системы содержательных критериев, ограничивающих произвол в интерпретации. Это положение развивает классическую идею законности применительно к современным условиям сложной юридической аргументации.

Для предотвращения произвола и легитимации окончательного решения предлагается авторская система критериев, выстроенных по иерархии и включающих три уровня содержательных ограничений для усмотрения интерпретатора:

1. Формально-правовые (системные) ограничения (высший приоритет):

- Принципы права (справедливость, добросовестность, гуманизм, равенство), которые выступают главным содержательным ориентиром и выражают «дух» права, его аксиологическое ядро. Они формируют пространство, в котором может быть признан лишь правовой смысл.

- Правовые, логические и лингвистические аксиомы (например, «закон обратной силы не имеет», «специальный закон отменяет общий», законы тождества и непротиворечия), представляющие собой очевидные и неоспоримые основания, придающие правовым смыслам устойчивость.

2. Институционально-конвенциональные ограничения:

- Правила толкования, закрепленные в нормативных актах и правовых позициях высших судов.

- Сложившиеся традиции правоприменительного толкования, обеспечивающие единообразие судебной практики, правовую определенность и реализацию идеи «равной меры».

- Устоявшиеся доктринальные установки юридического сообщества (*communis opinio doctorum*), которые конкретизируют абстрактные принципы через научные комментарии и конвенциональные критерии.

3. Социальные ограничения (применяются в «трудных делах» при конфликте критериев вышележащих уровней):

- Разумные и добросовестные ожидания субъектов права, то есть то, как смысл нормы может быть понят «средним разумным человеком», не

обладающим глубокими юридическими познаниями. Этот критерий направлен на обеспечение предсказуемости права.

- Моральные установки общества, обеспечивающие связь права с социальной реальностью и общепринятыми ценностями.

Таким образом, заключительная стадия модели — это не произвол, а ответственный акт аргументации и легитимации, где обоснование выбора основано не на апелляции к изменчивым «духу времени» или «государственной целесообразности», а на intersubъективных критериях правовой рамки. Легитимация смысла предстает, таким образом, не как его «объективное» доказывание, а как его обоснование в качестве наиболее справедливого, системно согласованного и доступного для понимания участниками правового общения.

В **заключении** диссертации подводятся итоги исследования и формулируются основные выводы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

научные статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации:

1. Жигитов А.А. Истинный смысл как объект толкования права // Теория государства и права. 2023. № 3(32). С. 107—113.
2. Жигитов А.А. Проблемы теории толкования «воли законодателя» // Российский журнал правовых исследований. 2023. Т. 10. № 4. С. 37—43.
3. Жигитов А.А. Творческое и интеллектуальное начала в толковании права // Журнал российского права. 2024. № 10. С. 144—154.

научные статьи в иных изданиях:

4. Жигитов А.А. Современное толкование прав человека: онтологический аспект // Сборник статей X Общероссийского годового собрания

теоретиков права (г. Москва, 22 февраля 2023 г., Центральный дом ученых) / Т.Я. Хабриева, В.В. Лазарев, А.И. Ковлер [и др.]. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Норма : ИНФРА-М, 2024. С. 204—208.